

© *Афанасьев А.И.*

Афанасьев А. И. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета.

УДК: 165

КВАНТИТАТИВНЫЕ И КВАЛИТАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ В ГУМАНИТАРИСТИКЕ

Квантитативні і квалітативні підходи розрізняються розмахом вживання кількісних засобів, методологічністю використовуваних теорій, рівнем строгості методів. Перші націлені на конкретний результат, встановлення закономірних відношень, виявлення структур. Другі продукують нові програми досліджень, забезпечуючи глибше розуміння.

Ключові слова: квантитативні і квалітативні методи, наука, гуманітаристика.

Квантитативные и квалитативные подходы различаются размахом применения количественных средств, методологичностью используемых теорий, уровнем строгости методов. Первые нацелены на конкретный результат, установление закономерных отношений, выявление структур. Вторые продуцируют новые программы исследований, обеспечивая более глубокое понимание.

Ключевые слова: квантитативные и квалитативные методы, наука, гуманитаристика.

Quantitative and qualitative approaches differentiate by the scope of application of quantitative tools, the methodologicity of theories in use, by degree of strictness of methods. The first ones are aimed at a specific result, the establishment of naturally determined relations and the exposure of structures. The second ones produce new researching programs thus providing deeper understanding.

Key words: quantitative and qualitative methods, science, humanitaristics.

Поиски специфики гуманитарного знания в основном сосредотачивались на вычленении особенных методов, принципов и вообще подходов, якобы свойственных гуманитарным наукам в отличие от естественных наук. Такие специфичности усматривались в ориентациях на психологические особенности вчувствования, идеографические методы, особые понимающие или интерпретативные подходы. Подобные изыски проводились преимущественно в русле философии, где и формировались многие установки гуманитаристики. Между тем, методологические поиски велись и в самих гуманитарных науках, отличавших свои исследования от философских. Теоретические штудии историков, филологов, литературоведов и самих деятелей искусства и литературы не всегда отталкивались от философских идей, они нередко представляли собой обобщения исторических, литературоведческих или социологических исследований, а также литературного или художественного опыта. В результате относительно гуманитарного творчества и его исследований накопилось немало теорий, методов, принципов и вообще подходов, которые невозможно подвести под единое основание, и не все из которых специфичны для гуманитаристики. Поэтому все чаще высказывается идея о взаимодополнительных подходах в гуманитарных науках [2, с. 16]. Взаимодополнительными являются квантитативные (от лат. *quantitas* – количество) и квалитативные (от лат. *qualitas* – качество) подходы, анализ которых является целью статьи. Подобная тематика исследования актуализируется тем обстоятельством, что проливает дополнительный свет на спорный вопрос относительно специфичности методов гуманитарных наук и методологичности тех или иных теорий в гуманитаристике.

В реальной исследовательской практике квантитативные и квалитативные подходы часто переплетены даже в арсенале одного исследователя, не говоря уже обо всем научном сообществе, к тому же не всегда используются в полном объеме, а с учетом неоднородности гуманитарных наук, разводить или обобщать их еще сложнее. Тем не менее, это будет полезно по ряду причин. Во-первых, неоднозначен статус научности относительно многих гуманитарных теорий, идей, методов, поэтому классифицировать их по одному основанию: научное/ненаучное, – явно недостаточно. Во-вторых, не все гуманитарные теории можно использовать как метод. В-третьих, не всегда правомерно лишать статуса научности квалитативные подходы. В-четвертых, ненаучные или неметодологичные гуманитарные теории в рамках квалитативного подхода могут играть не меньшую роль в развитии гуманитарных наук, поскольку научность, методологичность и эффективность далеко не всегда совпадают.

Рассмотрение проблемы ограничим тремя гуманитарными дисциплинами: социологией, историей, литературоведением, хотя, полученные результаты, вероятно, могут быть экстраполированы на всю гуманитаристику.

В социологии два типа теоретических подходов обнаруживаются наиболее явно. Квантитативные подходы стремятся объяснить, а не просто описывать феномены, их задачей является выдвижение гипотез с последующим подтверждением или опровержением, количественная обработка и анализ большого объема информации, а не ее получение. Для них характерно установление закономерных взаимосвязей между отдельными характеристиками социальных феноменов ради формулировки теоретических моделей и обобщенного прогноза. Основой достоверного научного знания в социологии считаются при этом математико-статистические методы и формализованные процедуры.

Главный недостаток количественных методов усматривают в том, что они могут измерять лишь общие характеристики, которые подразумеваются типическими. Кроме того, собранная информация нередко быстро устаревает. Поэтому количественные методы сбора и анализа информации дают поверхностный срез, не затрагивая глубинных слоев общественного сознания и других феноменов. Следствием этого становятся упрощенные представления об изучаемом объекте, неудачные прогнозы, ошибочные выводы [10, с. 8].

Квантитативные подходы в исторических исследованиях включают в себя две разновидности. В первом случае количественные методы служат для обработки большого вспомогательного материала, который используется преимущественно для иллюстрации тех или иных положений, но не определяют само исследование, как, например, способы обработки количественных исторических данных на различных вычислительных устройствах. Во-втором случае количественные методы в ходе исторического исследования являются определяющими. Они направлены на установление закономерностей, определение тенденций и перспектив с помощью статистических методов и математических моделей. Существенное преимущество таких подходов в том, что они ограничивают до минимума субъективные суждения историка. Кроме того, квантитативные подходы способны воссоздать психологические, социальные, экономические структуры, ставя серьезную преграду преобладанию изолированных, исключительных, неповторимых исторических феноменов. Наконец, появляется возможность избавиться от упреков в идеологической заангажированности и философской зависимости историка. Действительно, почти весь XIX в. и большую часть XX в. историческая наука развивалась на основе концептуализации идеи прогресса, а обращение к философии обуславливалось потребностью в некоей всеобщей идее, в глобальной истории, без чего изолированное историческое событие лишалось понимания. Событие или феномен являлся важным, этапным, если становился политически или телеологически значимым. Иными словами, минимум научности компенсировался максимумом идеологизации и философствования. Такая история совершенно естественно оказывалась нарративной. Квантитативные подходы позволяют перевести повествование в количественную таблицу, классификацию, математическую модель, жесткую логическую конструкцию.

Подобная квантификация имела в исторической науке целый спектр проявлений, но наиболее ярко это выразилось в концепции «серийной» истории. Здесь в ходе исследования исторической реальности предметом рассмотрения становятся не отдельные, изолированные во времени и в пространстве факты, события или индивиды, а ряды однородных единиц, представляющих своеобразные временные серии. Это позволяет реконструировать связанное целое экономической или социальной истории из одинаковых или сравнимых явлений на протяжении определенного промежутка времени. Наиболее впечатляющим квантитативным исследованием такого типа была книга Ле Руа Ладюри «Крестьяне Лангедока», в которой рассматривалась «история без людей», основанная на статистическом анализе взаимосвязей длинных циклов динамики населения и цен на продукты питания [6, с. 4].

Квантитативные методы имеют определенную сферу эффективного применения, но также и пределы этого применения. Они ограничены как целями исследований и их научным уровнем, так и возможностями и спецификой математического знания [13, с. 299, 322].

В теории литературы квантитативные подходы ориентируются на установление закономерных отношений в литературном тексте, оперируют понятием структуры и опираются на такой эмпирический материал, который можно посчитать и наблюдать достаточно точно. Используемые здесь теории во многом соответствуют стандартным канонам классической науки, во всяком случае, ориентируются на них. Они методологичны в том смысле, что содержат не установки, а именно методы, применяемые в исследовательских целях и дающие конкретный научный результат. В

литературоведении, филологии, поэтике, они связаны с именами Р. Якобсона, Ю. Лотмана, М. Гаспарова, В. Топорова и др. Якобсон был одним из первооткрывателей структурных методов в лингвистике, Лотман использовал структурно-семиотический метод в его развернутой форме, Гаспаров с помощью сравнительно-статистических методов исследовал ритмику, метрику, строфику и рифмы русского и европейского стиха и поставил задачу описания объективных способов связи формы и содержания в стихе не в рамках субъективного личностного эстетического переживания, а «в терминах доказуемых и показуемых закономерностей» [1, с. 18].

Список представителей этой тенденции может быть существенно расширен как зарубежными участниками, например из Пражского лингвистического кружка, так и вновь открываемыми именами советского прошлого. К ним принадлежит Б. Ярхо с очень характерным в данном контексте названием его работы – «Методология точного литературоведения» [17], которая была написана в сталинских лагерях и ссылок, а опубликована уже другим поколением исследователей.

Как в свое время естествознание пыталось отмежеваться от философии, так и теория литературы пыталась построить собственное здание, отдав проблему эстетического переживания на откуп философской эстетике и сосредоточившись на научном анализе литературного объекта. В. Жирмунский еще в 1919 г. писал: «Исчерпывающее определение особенностей эстетического объекта и эстетического переживания, по самому существу вопроса, лежит за пределами поэтики как частной науки и является задачей философской эстетики» [12, с. 23].

Однако указанный способ построения теории литературы не был общепринятым в исследовательском сообществе. В. Жирмунскому противоречит М. Бахтин почти в то же время (1924 г.): «...без систематического понятия эстетического ... нельзя даже выделить предмет, подлежащий изучению поэтики» [4, с. 9-10]. Почти вся работа Бахтина является попыткой анализа основных понятий и проблем поэтики на основе философской эстетики.

Бахтинский подход олицетворяет качественный тип подхода в гуманитарных науках. Теории и идеи данного типа опираются на интерпретацию и понимание, заведомо нестрогие термины, метафорическая сила которых важнее стабилизирующей силы точной терминологии, произвольные мысленные конструкции, используют теоретические положения из других областей знания и сами легко выходят за пределы своей предметной области. Они тесно связаны с философскими концепциями, безразличны к проверяемости, эмпирическому материалу. Нельзя сказать, что эти теории лучше или хуже первых, они другие. Исключать их из литературоведения как ненаучные вряд ли имеет смысл. В частности, их задачей является новое представление изучаемого материала, принципиально новое видение предмета, новые программы исследований. Владелец теорий количественного типа, усвоивший их методы, становится мастером своего дела и, применяя метод, получает явные, надежные, проверяемые результаты, развивая эти теории, хотя их предел очевиден: данная конкретная группа объектов. Теории качественного типа практически бесконечны, хотя бы потому, что область их применения не ограничена, а порой и неизвестна заранее. Овладеть такими теориями гораздо труднее, чем явно выраженными методами количественного типа, а овладев, мастером не станешь, так как методов они не дают. Зато, если есть талант, получишь ту широту понимания, ту возможность выхода за дисциплинарные рамки, то новое видение, которые количественные теории часто дать не могут. Иными словами, идеи и теории качественного подхода не менее плодотворны. Эти теории представлены именами А. Белого, А. Лосева, М. Бахтина, С. Аверинцева и др. Бахтинские теории диалога, карнавала, мениппеи относятся ко второму типу и в этом смысле не предложили точного метода исследования. Это, однако, не умаляет величия Бахтина и его идей, не случайно, у него огромное количество талантливых последователей, он один из наиболее цитируемых мыслителей современности.

Естественно, что в известном смысле там можно говорить об особых подходах или требованиях к творчеству и творческому мышлению, что порой называют методами. Однако столь расширительное понимание термина «метод» ведет к путанице, когда под методом понимают не столько последовательность шагов, ведущую к данной цели, сколько общие требования, правила или принципы. В этом неточном смысле иногда говорят о методе романтизма или реализма, в частности соцреализма, хотя они не предлагают конкретной последовательности исследовательских или творческих действий, реализующих соответствующие требования. Аналогично, в так называемой комбинаторной литературе, основанной на строгих правилах, порой говорят о формальных методах, о переносе в литературу аксиоматического метода, о математизации творчества и т.п. [5]. На самом деле речь идет всего лишь о заранее заданных правилах, по которым должен быть создан текст, например, в акrostихе, тавтограмме, триолете и пр., а собственно метода производства такого текста как раз и не

предлагается, ибо это область свободного творчества. Программа комбинаторной литературы, намеченная французской группой УЛИПО, интересна и многообещающа, но она неметодологична.

Теоретические разработки и даже методологические труды Бахтина представляют собой систему оригинальных подходов, творческих задач и требований, своеобразную программу творчества. Однако, использовать его теоретические положения как методы исследования весьма затруднительно, если вообще возможно, ибо не заданы собственно методы как конкретные шаги реализации программы. Это дело таланта и творчества его последователей. «Несвоевременные последователи сделали из его программы творчества теорию исследования, а это вещи принципиально противоположные: смысл творчества в том, чтобы преобразовать объект, смысл исследования в том, чтобы оберечь его от искажений» [7, с. 496]. В этом плане теории качественного типа не методологичны.

Вот почему странно выглядят попытки воспользоваться бахтинской теорией мениппеи как методом в работах, претендующих на серьезность. Например, у А. Баркова радикально пересматривается толкование булгаковского «Мастера и Маргариты», когда прообразом мастера объявляется М. Горький, а события романа трактуются как «горьковские метки». То же самое осуществляется и с пушкинским «Евгением Онегиным», когда нарратором объявляется П. Катенин, а действие романа смещается на десяток лет. В обоих случаях прямые авторские указания и чуть ли ни весь контекст объявляются мистификациями гениев [3]. С. Епифанова предлагает представить как мениппею «Войну и мир» Л. Толстого по всем 14 пунктам бахтинской теории [11]. При первом знакомстве даже не верится в серьезность таких исследований – возникает впечатление грандиозного розыгрыша. Дело здесь не в том, что вышеназванные авторы – любители, не профессионалы, а в недостаточной методологической подготовке, в непонимании сути методов и в неадекватном применении теорий.

Нельзя сказать, что количественные и качественные подходы мирно сосуществуют, хотя в той или иной мере проявляются в работах одних и тех же исследователей, которые не всегда осознают свою приверженность тому или иному типу. Например, ни Якобсон, ни Лотман никогда не противопоставляли себя Бахтину и кое в чем к нему присоединялись [1, с. 7], а Андрей Белый один из первых высказал мысль о том, что стиховедение может стать наукой, если будет опираться на строгое наблюдение и статистику, хотя и не разрабатывал эту идею. В то же время, нельзя не заметить и своеобразной экспансии подходов по отношению друг к другу. Но в более общем плане скорее преобладает тенденция к рационализации, онаучиванию литературоведения и всей гуманитаристики. Впрочем, по-видимому, есть пределы подобной тенденции, что обуславливает процесс постоянного воспроизводства качественных подходов. Пределы связаны с особенностями восприятия художественного произведения, в отличие от восприятия естественнонаучного объекта. В первом случае рациональное накладывается на эмоциональное и связано с так называемыми высшими чувствами. Любой художественный текст воспринимается не только как объект научного исследования, но и эстетически переживается.

Качественные подходы, в отличие от количественных, в исторической науке, также как и в теории литературы, не принимают во внимание количественных методов, не ориентируются на идеалы классической науки, настаивают на неустранимой специфике исторического и вообще гуманитарного исследования и получаемого знания, нередко используют философские принципы, особенно из сферы философии истории, а часто из новейших философских доктрин. Их методологичность ограничивается набором более или менее определенных требований и также не включает методов как последовательности исследовательских действий. Считать такие исследования ненаучными или недостаточно научными было бы глубоким заблуждением, ибо здесь действительно учитывается неустранимая особенность гуманитарных дисциплин и нередко достигаются важные результаты, как в самом исследовании, так и в плане обнаружения новых исследовательских перспектив. Качественные подходы достаточно разнообразны. Это может быть изучение отдельного исторического персонажа в рамках микроистории. Предпочтение отдается такой процедуре исследования, когда историк идет от такого частного случая, который необычайно индивидуален, и невозможна его редукция к типичному, который трудно подогнать под определенные правила, нормы [14, с. 181]. Поэтому в известной книге «Сыр и черви» знаменитый представитель микроистории К. Гинзбург не стремится выявить ни закономерности эпохи, ни типичность поведения исторических агентов, а просто на основании документов реконструирует мысли, чувства и поведение фриуланского мельника, жившего в шестнадцатом веке, судимого инквизицией и приговоренного к смерти [9]. Во-первых, тут нельзя обойтись без высокого уровня квалификации, интуиции, таланта и прочих субъективных качеств

историка, безусловно влияющих на результат, и ставящих вопросы по поводу объективности, точности и пр. Во-вторых, возникает законное сомнение в плане научности данного исторического описания, поскольку не выявляются ни законы, ни обобщения, не представляются ни классификации, ни типологизации. По этому поводу Гинзбург пишет, что выбрать в качестве объекта изучения только то, что повторяется, и поэтому поддается выстраиванию в серию или статистическую совокупность, изучаемую квантитативно, «означает заплатить в познавательном смысле очень высокую цену» [8, с. 216].

Несмотря на обвинения в ненаучности, качественные подходы пользуются популярностью и дают результаты. Поэтому не следует ожидать их вытеснения квантитативными подходами.

В социологии качественные подходы делают ставку на так называемые свободные, неструктурированные, интерпретативные, качественные способы сбора данных и их обработки. Некоторые авторы стараются даже не применять к подобным теориям слово «метод», заменяя его более общими понятиями похода, стратегии, исследовательских практик, предпочитая говорить о методологиях как совокупности установок, а не последовательности действий. Исходная установка качественных подходов предполагает, что исследователь имеет свою субъективную позицию, которую необходимо принимать в расчет. В целом, качественное исследование в социологии предназначено, прежде всего, для изучения индивидуального аспекта социального бытия, а как процесс разработки отдельной проблемы предполагает не только наличие особых данных в виде личных документов и текстовых материалов с оценочными высказываниями людей, но и специфические приемы их сбора, обработки и анализа, включающие теоретизирование и интерпретации исследователя, а также требования к исследователю, его опыту, навыкам, концептуальной гибкости [15, с. 118].

В подобных качественных подходах можно усмотреть элементы субъективизма и произвольности, особенно в рассуждениях исследователя по поводу различного рода текстов и личных документов и, как следствие, неоднозначность и необоснованность интерпретаций. Однако не бывает исследовательских программ и самих исследователей без недостатков. Слабые места нужно устранять, а качественные и квантитативные подходы использовать как взаимодополнительные.

В качестве вывода отметим, что квантитативные и качественные подходы в гуманитаристике имеют свои достоинства и недостатки, различаются не столько по линии научные/ненаучные, сколько по наличию и роли в них разных методов, принципов, целей исследования, методологичности соответствующих теорий, отчего и требуют адекватного применения в русле взаимодополнительности.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон-Бахтин-Лотман-Гаспаров / Н. С. Автономова. — М. : РОССПЭН, 2009. — 503 с.
2. Афанасьев А. И. Субъектная рациональность гуманитарного знания // Актуальні проблеми духовності [Зб.наукових праць] / А. І. Афанас'єв ; відп.ред Я. В. Шрамко. — Кривий Ріг: Видавничий дім, 2007. — Вип. 8. — С. 151-161.
3. Барков А. Прогулки с Евгением Онегиным / А. Барков. — Тернополь : Астон, 1998. — 350 с.
4. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве [Вопросы литературы и эстетики] / М. М. Бахтин — М. : Художественная литература, 1975. — С. 6-71.
5. Бонч-Осмоловская Т. Литературные эксперименты группы «УЛИПО» / Т. Бонч-Осмоловская // Новое литературное обозрение. — 2002. — №57. — С. 246-270.
6. Бородкин Л. И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма / Л. И. Бородкин // Новая и новейшая история — 1998. — № 5. — С. 3-16
7. Гаспаров М. М., Бахтин М. в русской культуре XX века [Избранные труды. в 3 т.] / Гаспаров М. — Т. 3. — М. : Наука, 1997. — С.489-496.
8. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Гинзбург К. // Современные методы преподавания новейшей истории. — М. : ИВИ РАН, 1996. — С. 207-236.
9. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / К. Гинзбург — М.: РОССПЭН, 2000. — 272 с.
10. Гришина А. Е. Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия? / А. Е. Гришина // Социологические исследования. — 2004. — №9. — С. 8-10.
11. Епифанова С. Война и мир как мениппея / С. Епифанова [Электронный ресурс] : Режим доступа — <http://www.lebed.com/2005/art4313.htm>

© **Бевзюк Н.П.**

12. Жирмунский В. М. Задачи поэтики. Избр. тр. / Жирмунский В. М. // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л. : Наука, 1977. — С. 15-55.
13. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — М. : Наука, 1987. — 324с.
14. Леви Дж. К вопросу о микроистории / Леви Дж. ; Ред. А. О. Чубарьян и др. // Современные методы преподавания новейшей истории. — М. : Наука, 1996. — С. 167-190.
15. Страусс А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Страусс А., Корбин Дж. ; пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с.
16. Цофнас А. Ю. Комплементарность мировоззрения и миропонимания / А. Ю. Цофнас // Философская и социологическая мысль. — 1995. — № 1-2. — С. 5-22.
17. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. Избранные труды по теории литературы / Б. И. Ярхо; Общ. ред. М. И. Шапира. — М. : Языки славянских культур, 2006. — XXXII — 927 с.

Бевзюк Н. П. – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и основ общегуманитарных знаний Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

УДК 283/289:248.2

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ВЕРУЮЩЕЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОТЕСТАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Стаття присвячена проблемі існування віруючої особистості у соціумі. Автор вказує на те, що віруюча особистість знаходиться у роздвоєному становищі між секулярним суспільством і релігійною громадою; вона (особистість) несе на собі подвійне навантаження виконня потреб та наказів Священного Письма і законів, які запропоновані Суспільним договором. Автор приходить до висновку, що віруюча особистість, існування якої визначене, не може бути суспільно інтегрована у повній мірі, оскільки відсутня абсолютність свободи релігійної особистості.

Ключові слова: Реформація, свобода особистості, подвійне визначення, релігійна громада, Лютер, Кальвін, Тілліх, Барт, Хюбнер, Дільтей.

Статья посвящена проблеме существования верующей личности в социуме. Автор указывает на то, что верующая личность находится в раздвоенном положении между секулярным обществом и религиозной общиной, неся на себе двойную нагрузку выполнения требований и предписаний Священного Писания и законов, предписанных Общественным договором. Автор приходит к выводу, что верующая личность, бытие которой предопределено, не может быть социально интегрирована в полной мере, так как отсутствует абсолютность свободы религиозной личности.

Ключевые слова: Реформация, свобода личности, двойное предопределение, религиозная община. Лютер, Кальвин, Тиллих, Барт, Хюбнер, Дильтей.

This article is dedicated to the problem of a believing person's existence in the society. The author points out that a believing person finds itself in an ambivalent position between the secular society and a religious community carrying the double load of fulfilling the demands and directions of the Holy Scripture and the laws defined by the Social agreement. The author comes to the conclusion that a believing person whose existence is predestined cannot be socially integrated in full as the religious person's freedom lacks an absolute character.

Key words: Reformation, person's freedom, double predestination, religious community, Luther, Calvin, Tillich, Bart, Hubner, Dilthey.

Догматическую основу Реформации составили два основных положения, ставшие определяющими в развитии богословских и философских идей протестантизма. Первым положением, выдвинутым Лютером, является догмат о примате веры в спасении христианина. Вторым стал догмат, сформулированным Кальвином – это догмат о двойном предопределении. К моменту возникновения Реформации в католической церкви была уже сложившаяся система богословских и философских понятий; она имела свои устоявшиеся и проверенные временем традиции и правила религиозных